

Владимир Зоценко

Скандинавские древности и топография Киева «дружинного периода»

Охват археологическими работами практически всех центров Руси, упомянутых в летописи до XI в., систематизация материалов, полученных при исследованиях в Ладоге и Приладожье, на Рюриковом городище, в Гнездово, Тимерево и на Сарском городище, поселении, могильнике, значительно расширили источниковедческую базу изучения раннего восточноевропейского города, изменили представления о названных памятниках. Они предстали многофункциональными, полиэтничными территориальными образованиями, с совершенно очевидной скандинавской составляющей среди поселенцев и явными чертами раннегосударственных институтов власти в общественных отношениях. Синтез полученных данных привел довольно большую группу исследователей к выработке концепции вызревания Древнерусского государства в удаленных от плодородных почв районах лесной зоны Восточной Европы. Причем стимулом в создании соответствующего социального климата были, прежде всего, оторванные от родовой основы местного населения торгово-ремесленные центры с широкими межэтническими связями, главным образом — восточными и северными, цепочкой расположенные вдоль магистральных путей Восточноевропейской равнины¹. В этой схеме, в основном объективно отображающей историческую перспективу, не всегда учитывается материал Южной Руси и непосредственно Киева. Источниковедческий анализ археологических материалов Киева IX–XI вв., полученных раскопками как прошлых лет, так и новейшего времени, позволяет соотнести контекст становления здесь институтов власти и форм городской жизни с общественными процессами, происходящими на рубеже I и II тысячелетий н. э. в Европе. Именно «дружинная эпоха» в Восточной Европе и «эпоха викингов» в Северной во взаимодействии, но не соперничестве, их

---

1 Кириичников А. Н., Лебедев Г. С., Булкин В. А., Дубов И. В., Назаренко В. А. Русско-скандинавские связи в эпоху образования Древнерусского государства. *Scando-Slavica* (24, 1978), 63–89; Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. *Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв.* Л., 1978. С. 137–178; Лебедев Г. С. *Эпоха викингов в Северной Европе.* Л., 1985. С. 189–249; Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Начальные этапы урбанизации и становление государства. *ДГ.* 1985. М., 1986. С. 99–108; Булкин В. А., Гердт А. С., Лебедев Г. С., Седых В. Н. *Основания регионалистики: формирование и эволюция историко-культурных зон Европейской России.* СПб., 1999. С. 173–199.

культур сыграли решающую роль в тех новациях, зрелые формы которых можно наблюдать на примере Киева во второй половине XI в. В этой связи особое значение приобретает анализ состава вещевого импорта, маркирующего внешние векторы и факторы первоначального развития ядра русской государственности на Среднем Днепре. И в первую очередь, это должно касаться изделий Северной Европы, самым непосредственным образом связанных с династическими репрезентантами начальной Руси — Рюриковичами. Основной массив скандинавских вещевых импортов конца IX — первой половины XI в. в Киеве происходит с Подола и прилегающей к нему с северо-запада Плоской части, а также со Старокиевской горы, возвышающейся над Подолом с юго-востока, вместе с «Михайловским отделением» и плато будущего «города Ярослава». В меньшей мере скандинаво-русские вещественные связи обнаруживаются в материале Замковой горы — Киселевки. На Подоле, а равно на Замковой горе, северо-европейские изделия с самого начала были связаны с жилищно-хозяйственными комплексами. Их же местонахождения в «Верхнем городе» на протяжении IX–XI в. существенно изменяют свой характер. До 80-х годов X в. скандинавские изделия, обнаруженные здесь, являлись погребальным инвентарем курганов Первого киевского некрополя. Памятник представляет собой расчлененный древними, ныне засыпанными, оврагами массив курганных насыпей, спланированных в ходе городской застройки, начало которой было положено еще в конце X в. По открытым на сегодня граничным погребениям, площадь этого грандиозного могильника, вытянутого вглубь плато коренного правого берега Днепра по оси запад — восток, приближается к 60 га. Естественные границы, маркированные оврагами, делили Некрополь I на три группы курганов, составляющих единый хронологический срез.

Наиболее исследованным из них оказалось курганное поле Андреевского отделения или Старокиевской горы, где позднее были возведены Десятинная церковь и дворцовый ансамбль «города Владимира». Всего на этой территории, включавшей в себя 10 га, с конца XIX по начало XXI в. было открыто 114 погребений, из которых — 9 было совершено по обряду кремации (ничтожно малое количество обнаруженных раскопками трупосожжений объясняется плохой сохранностью древних погребений в современной городской среде) и столько же впущенных в материк камерных ингумаций. С северо-востока данный массив ограничивался крутыми склонами к Днепру, которые на востоке соединялись с древним оврагом в районе современного фуникулера, отделявшим «город Владимира» от будущего «города Изяслава — Святополка» или «Михайловского отделения» (по мнению некоторых исследователей, этот овраг соответствует легописному Боричевому взвозу, выходившему на Подол); с северо-запада к плато горы подходили яры урочищ Гончары и Кожемяки; южная граница в киеворусское время, что подтверждают и исследования последних лет²,

---

2 Боровский Я. С., Калок О. П. Дослідження Київського дитинця. *Стародавній Київ*. 1993.

представляла собой пологий склон в сторону летописного «поля вне града» и будущего «Софиевского отделения». Вся очерченная площадь, надо полагать, до начала строительной деятельности Владимира Святославича, практически полностью была занята курганными погребениями, которые перекрыли и так называемое «древнейшее городище Киева», располагавшееся в VI–VIII вв. и, вероятно, в начале IX в. в северо-западной части Старокиевской горы. Во всяком случае, при строительстве художественной школы (ныне здание Национального музея истории Украины) в 1936–1937 гг. на территории бывшей усадьбы доктора Петровского, к западу от развалин Десятинной церкви, было вскрыто несколько погребений Некрополя — это №№ 83, 84, 112, 123 (здесь и далее — нумерация погребений по реестру М. К. Каргера³); погребальные ямы были впущены в засыпку рва и насыпь вала, отделявших городище от остального плато Старокиевской горы, начиная от северного края в направлении юг — юго-запад до обрыва над урочищем Кожемяки: №№ 31–32, 87. Восточное возвышение над яром, разделившим будущие «город Владимира» и «город Изяслава — Святополка», было отведено под святилище, известное по летописным статьям 945 (клятва «поганья Руси» грекам «...на холмѣ, где стояше Перун...»), 980 (устройство, по вокняжении в Киеве Владимира Святославича, нового капища-пантеона «на холму вне двора теремного») и 988 гг. (постройка деревянной, — «...повелѣ [Владимир Святославович] рубити...», — церкви св. Василия «...на холмѣ, идѣже стояша кумири Перунъ и прочии...»). Перунов холм довольно точно локализуется по Васильевской церкви, наново возведенной в плинфе Святославом Всеволодовичем в 1183 г. на Ярославовом великом дворе. После пожара 1695 г., вновь отстроенная, эта церковь была переосвящена в честь Трех Святителей и просуществовала до 1935 г. То, что церковь 1183 г. сменила на своем месте более раннюю, можно заключить из летописного сообщения о ее освящении, в котором главный акцент ставится не на новом строительстве, но на уже стоящий храм: «В то же лето священа бы церкви святого Василья, яже стоитъ в Киевѣ на велицѣмъ дворѣ, великимъ священиємъ»⁴.

Следующая группа курганов располагалась на территории будущих Дмитриевского и Михайловского Златоверхого монастырей (с конца XI — начала XII в., — «город Изяслава-Святополка»), примыкающих с юго-востока через овраг и узкий перешеек к Старокиевской горе. В 1837 и 1838 гг. в усадьбе Михайловского Златоверхого монастыря и на склоне горы, примыкающей к ней со стороны Крещатицкого оврага, А. С. Анненковым были обнаружены два урновых трупосождения (95–96). В 80–90-х гг. XX ст. на участках, прилегающих к Михайловской площади со стороны Десятинной улицы, и на территории самого Михайловского монастыря при воссоздании Михайловского собора были исследованы остатки 5 ямных погребений по обряду ингумации, три из которых

3 Каргер М. К. *Древний Киев*. Т. I. М.; Л., 1958.

4 *ПСРЛ*. Т. II. Стб. 634

относились к разряду камерных. Все упомянутые комплексы можно датировать в пределах X в., в двух случаях по стенкам могильных ям читались следы курганных насыпей.

Курганные дохристианские погребения выявлены и на территории будущего «города Ярослава», прилегающей с юга и юго-запада (через ныне несуществующий овраг) к Старокиевскому ядру. Здесь, в пределах Софиевской площади и усадьбы Софиевского собора, ул. Золотоворотской, Рейтарской до пересечения с ул. О. Гончара (бывшая Мало-Владимирская) было обнаружено в разные годы XIX и XX вв. 6 погребений, три из которых относились к камерным. Среди последних выделяется богатая кремация к юго-западу от Софиевского собора (№ 119). Согласно летописной легенде, на этом курганном поле находилась «Дирова могила за святою Ориною»⁵. Кроме того, с этой же группой могил связано обнаружение в 1913 г. по ул. Большая Подвальная, 15 (ныне, — Ярославов Вал) большого денежно-вещевого клада с дирхемами 709/10–906/7 гг. чеканки и шестью золотыми браслетами скандинавского (готландского) изготовления.

Наиболее обоснованные версии о начальной фазе функционирования Первого киевского некрополя выдвинуты М. К. Каргером и П. П. Толочко. На основании систематизации материала 108 погребений в Верхнем городе, первый из них пришел к выводу, что византийские и арабские монеты IX в. из открытых здесь погребений никоим образом не могут свидетельствовать о ранней дате всего могильника, и определял его хронологию от середины до конца X в.⁶ Основываясь на анализе своих предшественников, в том числе и М. К. Каргера, и оперируя теми же нумизматическими данными, П. П. Толочко, склонен опустить нижний и верхний рубежи могильника до второй половины IX — первой половины X в.⁷

Большое значение для выяснения начала захоронений на Старокиевской горе имеет трупосожжение на месте ребенка и взрослого, обнаруженное в 1977 г. в усадьбе 5 по Десятинному переулку. Кострище было устроено на горизонте и перекрыто насыпью, следы которой, на высоту до 0,6 м, хорошо читались в стенке раскопа. Кальцинированные кости кремированных были собраны в урны. Среди инвентаря находился, кроме того, небольшой горшок, сохранившийся целиком⁸. По своей типологии посуда комплекса может быть соотнесена с выделяемым В. А. Петрашенко IV типом круговой керамики Правобережья Среднего Поднепровья, период бытования которой укладывается в условный диапазон 800–850 гг.⁹ Как с концом IX, так и с началом X в. можно связывать

5 ПСРЛ. Т. II. Стб. 17.

6 Каргер М. К. *Древний Киев*. Т. I. С. 220–226.

7 Толочко П. П. *Исторична топографія стародавнього Києва*. К., 1972. С. 63–64.

8 Килиевич С. Р. *Детинець Києва IX — першої половини XIII в. К.*, 1982. С. 44, рис. 25–26.

9 Петрашенко В. О. *Слов'янська кераміка VIII–IX ст. Правобережжя Середнього Дніпра*. К., 1992. С. 66, 82–84, табл. 11.

и кремацию, обнаруженную в 1955 г. в усадьбе 7–9 по ул. Владимирской, сопровождающуюся фоллисом императора Льва VI, чеканенным между 886–912 гг.¹⁰ Косвенным образом нижняя датировка киевского Первого некрополя устанавливается по времени прекращения функционирования рва на Старокиевской горе, в основании насыпи которого неоднократно была находима лепная и примитивно-гончарная керамика с орнаментацией в виде пальцевых вдавлений по венцу и линейными врезками по всему корпусу¹¹. По указанным признакам эти образцы можно увязать с X и XI типами лепной и IV типом гончарной посуды Правобережья Среднего Поднепровья, укладываемымися в период конца VIII — середины IX в.¹²

Верхнюю дату дохристианских комплексов этой части Некрополя I с достаточной точностью определяет женская ингумация в срубной камере (погребение № 123), открытая раскопками 1937 г. к юго-западу от Десятинной церкви, в пределах укреплений древнейшего Киевского городища («участок 111/1937»), инвентарь которой включал плохой сохранности дирхем, чеканенный между 961–976 гг.¹³ В нескольких метрах к востоку от этого погребения этими же раскопками была обнаружена еще одна женская с ребенком ямная ингумация южной ориентации (погребение № 83), которая по составу бус в ожерелье, могла быть совершена не ранее второй половины — конца X в.¹⁴ С другой стороны, открытые в 1911 г. в 2,55 м к западу от юго-восточного угла наружной галереи Десятинной церкви расположенные вблизи одно от другого погребения в деревянных сбитых гвоздями узких гробах, содержащие женские скелеты западной ориентации, могли принадлежать уже церковному кладбищу. По наличию торкско-половецкой антропоморфной подвески из лазурита в составе ожерелья одной из погребенных, эти могилы можно датировать с большей или меньшей вероятностью после 985 г., скорее всего началом XI в.¹⁵

Окончательное же прекращение функционирования Первого некрополя было связано со строительством Десятинной церкви 989–996 гг. и «гридницы», упомянутой под 996 г. в связи с воскресными пирами для княжеских людей, устраиваемыми Владимиром после освящения Десятинной церкви. Не исключено, что исследованные в 1911–1914 гг. к юго-востоку от Десятинной церкви фундаментные рвы и есть остатки этого самого сооружения. Узкий (11,5 м) и длинный (44 м), разделенный на три помещения план фундаментов постройки не противоречит этому предположению. В конце X — начале XI в. сугубо

10 Гончаров В. К. Археологічні розкопки в Києві у 1955 р. *Археологія*. Т. X. 1957. С. 124–125; Каргер М. К. *Древний Киев*. Т. I. С. 198.

11 Толочко П. П. *Исторична топографія*. С. 47.

12 Петрашенко В. О. *Слов'янська кераміка*. С. 51–52, 66, табл. 11.

13 Каргер М. К. *Древний Киев*. Т. I. С. 206–208.

14 Каргер М. К. *Древний Киев*. Т. I. С. 151–152; Зоценко В., Гончаров О. Скляні вироби. Церква Богородиці Десятинна в Києві. К., 1996. С. 96, 99.

15 Зоценко В., Гончаров О. Скляні вироби. С. 95, 98–99.

городская застройка с уличной сетью фиксируется и в южной части Старокиевской горы¹⁶.

Хронология и типология инвентаря могил Первого некрополя надежно коррелируется лишь с вещевым материалом жилищно-хозяйственных комплексов третьей четверти IX–X вв. Подола. Вероятно, формирование обширного некрополя на территории будущего Верхнего города происходило именно за счет населения этого района, культурный слой которого уже в указанное время занимал площадь равную 150 га¹⁷. Кроме Подола, жилищно-хозяйственные комплексы IX–X вв. известны по раскопкам разных лет Замковой горы (Киселёвки). Данная возвышенность, площадью около 20 га и высотой до 100 м над уровнем Днепра, изолированная четвертичным размывом от коренного правого берега Днепра, расположена в непосредственной близости от Старокиевской горы: к югу и востоку от ее основного массива и на запад, через Гончары, от ее отрога — Детинки. К северу от Замковой горы, через водотоки Киянки и Глыбочицы, возвышается массив Щекавицы. К сожалению, документация наиболее результативных раскопок, проведенных В. Е. Козловской в 1940 г. на северо-восточном склоне горы террасным методом, не сохранилась. Согласно тексту отчета, анонимно опубликованного после войны, исследованные две постройки IX–X вв. покоились на стерильной делювиальной прослойке, которая перекрывала слой с лепной керамикой VI — начала IX в.¹⁸ То есть, киеворусские объекты Замковой горы, датирующиеся до конца X — начала XI в., проявляют полную синхронность с погребальными комплексами Первого некрополя при том, что более ранний слой I тысячелетия н. э. на обеих горах не имеет континуитета с материалами конца IX — второй половины X в. Важно и то, что до устройства в начале XIX в. кладбища Флоровского женского монастыря погребения на Замковой горе неизвестны. Использование некрополя «Верхнего города» обитателями Замковой (Киселевки) горы предполагает и П. П. Толочко¹⁹.

Разрозненные из раскопок и случайные находки на Замковой горе, при практически несохранившемся киеворусском слое (стратиграфия памятника в значительной степени уничтожена комплексами Киевского замка XV–XVII вв., которые, в свою очередь, нарушены кладбищем Флоровского монастыря, функционирующего до середины XX в., и строениями станции радиоглушения (50–70 гг. XX в.), все же дают некоторое представление о социальном облике района конца IX — начала XI в. Среди прочего можно выделить обнаруженный в 1908 г. клад из 37 медных монет Херсона 867–943 гг. (30 монет комплекса относилось к выпускам Василия I 867–876 гг. и 876–879 гг.); дирхем 943 г. чеканки (раскопки 1939 г., северо-западный склон); литейные из овручского

16 Боровський Я. Є., Кашок О. П. Дослідження Київського дитинця. С. 12–16.

17 Сагайдак М. А. Актуальні питання зародження та формування раннього Києва. *Магістеріум. Археологічні студії*. Вип. 6. 2001. С. 14–15.

18 [Козловська В.] Розкопки в Києві на горі Кисілівці в 1940 р. *Археологія*. Т. I. 1947. С. 145–147.

19 Толочко П. П. *Історична топографія*. С. 65–66.

пирофиллита формочки для отливки пуговиц с ушками, наременных или уздечных бляшек, щитковых и пластинчатых перстней, воронковидных «грузиков», круглых («монетовидных») подвесок, среди которых имитирующая дирхем (раскопки В. В. Хвойки 1894 г.); небольшой в 150 мм длины железный «бородчатый» топор с округлой выемкой в нижней части лезвия (раскопки В. Е. Козловской 1940 г., слой III, IX–X вв.) В 1897 г. при открытии могилы в северной части горы были обнаружены фундаменты с кладкой из тонкоформатной плинфы. Плинфа, датирующаяся не позднее XI в., встречена в раскопах 1940 и 1948 гг. в северо-западном секторе склона Киселевки²⁰.

Находки Замковой горы несли и вещи, которые можно связать с варяжскими элементами материальной культуры Киева X–XI вв. В 1897 г. на выставке Киевского общества древностей была выставлена «кольцевая фибула с длинной иглой и с отогнутыми, в виде рогов лося, концами». Исходя из описания, застежка может соответствовать готландским образцам X в. «с окончаниями в виде стилизованных зеркальноразвернутых звериных фигур, образованных округлыми отверстиями», — тип DJU:RU по А. Карлссону²¹. С балтийско-североевропейской традицией связан и небольшой боевой топорик из раскопок 1940 г. Судя по описанию, он мог принадлежать к выделяемому П. Паульсеном «нордическо-балтскому» типу «бородчатых» топоров группы «mit Helmdach und Wangenloch», заключительной фазы «эпохи викингов»²². В традиции орнаментальной резьбы Северной Европы работал в XI в. косторез, мастерская которого была раскопана на Киселевке В. В. Хвойкой в 1894 г. Приведенный перечень вещевых находок, вместе со следами каменного (кирпичного) строительства, рисуют Замковую гору времени от Олега до Ярослава Владимировича далеко нерядовым районом Киева.

Отсутствие четких данных о какой-либо жилой или административной застройке ранее самого конца X в. на Старокиевской горе и, напротив, наличие курганных насыпей в черте «древнейшего киевского городища», прекратившего свое существование, если судить по керамике из засыпки рва, в начале IX в., заставляет еще раз поднять вопрос о топографии города времени первых киевских Рюриковичей. Основным источником по этому вопросу, безусловно, является статья «Повести временных лет» 945 г., восходящая, скорее всего к летописной школе Десятинной церкви 70–80 гг. XI в.²³ Исходя из указанной

20 Петров Н. И. *Историко-топографические очерки древнего Киева*. К., 1897. С. 171–172, 259–260; [Козловська В.] Розкопки в Києві. С. 143–147; Богусевич В. А. Розкопки на горі Киселівці. *АП*. Т. III. 1952. С. 67–68; Шовкошляк Г. М. Археологічні пам'ятки гори Киселівки в Києві. *Праці Київського Державного історичного музею*. Вип. I. 1958. С. 141–154; Килиевич С. Р., Орлов Р. С. Новое о ювелирном ремесле Киева X в. *Археологические исследования Киева, 1978–1983*. К., 1985. С. 66.

21 A. Carlsson. *Vikingatida ringspännen från Gotland. Text och katalog* [*Stockholms Studies in Archaeology*] (Stockholm, 1988), 30, 60, 63, 70–71.

22 P. Paulsen. *Axt und Kreuz* (Berlin, 1939), 29–32, Abb. 10:1. В Бирке такой топор известен из погребения Vj 1077.

23 Кузьмин А. Г. *Начальные этапы древнерусского летописания*. М., 1977. С. 183–218.

статьи, протограф которой наиболее точно передан Хлебниковским и Погодиным списками Ипатьевской летописи²⁴, первоначальный «город» по отношению к реалиям княжеской дворцовой топографии конца XI в. оказался экстерриториальным, переданным во владения киевских бояр:

«...послаша Деревляне лучшыи мужи свои, числомъ 20, в лодьи къ Ользѣ, и присташа подь Боричевымъ въ лодьи...; городъ же бяше Киевъ, идеже есть нынѣ дворъ Гордятинъ и Никифоровъ, а дворъ княжь бяше в городѣ, идеже есть ныне дворъ Воротиславль и Чюдинъ, а перевѣсиште бѣ внѣ города, и бѣ внѣ города дворъ теремный, другый, идеже есть дворъ деместниковъ, за святою Богородицею, над горою, бѣ бо ту теремъ камень... Ольга же повелѣ ископати яму велику и глубоку на дворѣ теремскомъ внѣ града. И заутра Ольга съдящи в теремѣ, посла по гости... и понесоша я в лодии... и принесоша я на дворѣ къ Олзѣ, и несъше я, вринуша въ яму»²⁵.

Таким образом, «княжий двор» Ольги находился «вне» тех «города» и «двора теремного», которые возникли лишь с возведением или после возведения Десятинной церкви. Причем, ко времени составления данной статьи на этом дворе, расположенном за указанной церковью, существовал и «двор» церковного регента — «демесника». Вне первоначального княжеского двора, но на месте будущего «второго теремного двора», была выкопана и яма, в которую княжеские дружинники («кияне») сбросили древлянских сватов, пронесши их в ладье от Боричева через «старый — первый», Игоря — Ольги — Святослава, «город». Княгиня же наблюдала шествие из терема, но терема на «старом» княжеском дворе, который во время летописца был уже поделен на усадьбы нобилей Изяслава Ярославича — Воротислава и Чюдина. Скорее всего, «терем княжеский старый» был возведен из дерева, иначе характер строения был бы оговорен, как это случилось со «вторым теремом». В этой связи интересна миниатюра Кенигсбергской летописи, иллюстрирующая казнь Ольгой древлянских послов. Княгиня на ней изображена наблюдающей за происходящим из высокой, в схеме фахверка, деревянной постройки, а также стоящей над ямой со сброшенной в нее ладьей с древлянами²⁶.

В 1907–1908 гг. в 30–75 м к северо-востоку от Десятинной церкви В. В. Хвойкой было раскопано древнее сооружение, возведенное на каменных фундаментах в смешанной технике с применением цементного раствора. План здания делился на три помещения. По завалу архитектурных каменных деталей и слою сгоревшего дерева можно было предполагать наличие второго яруса. Среди раскопанных сложенных из плитки сооружений «города Владимира» данные руины как по плану, так и по археологическому материалу более всего соответствуют характеристике дворцового здания конца X в. Отнесение их

24 Каргер М. К. *Древний Киев*. Т. I. С. 11–23, 263–264.

25 *ПСРЛ*. Т. II. Стб. 43–45.

26 Рисунок на обороте листа 28 рукописи, изданной фотомеханическим способом в 1902 г.

некоторыми исследователями ко времени княгини Ольги убедительно не обосновано. И если принять этот дворец за терем «вне града на дворе теремном другим» «над горою», то станет совершенно очевидным, что могила, вырытая для заживо погребенных древлян, располагалась сорок лет тому назад на Первом киевском некрополе, вблизи склона Старокиевской горы в сторону Киселевки, у засыпанного рва поселения VI — начала IX в. Согласившись с расположением «двора теремного другого» и «ямы великой и глубокой» для древлян «вне града первого», совершенно логичным будет вернуться к мнению, высказанному еще в 1895 г. П. Лашкаревым и в какой-то мере поддержанному П. П. Толочко о том, что «теремный двор» княгини Ольги находился на противоположной по отношению к горам Старокиевской и Замковой (Киселевке)²⁷. Надо полагать, именно сюда, через Дорогожичи и Капич (капище Волоса с юго-запада Оболони) со стороны Подола, во «дворь теремный отень» «въшедъ» Владимир Святославич в 980 г., сменяя тут убежавшего в Родень брата Ярополка.

Предположение о первоначальном местонахождении княжеского «города» на Замковой горе может быть обосновано и определенной историко-топографической преемственностью. В послемонгольское время на ней был устроен Киевский замок, откуда и одно из названий горы. Причем, документальные свидетельства о его обустройстве отсутствуют (историографическая традиция относит строительство замка ко времени княжения Владимира Ольгердовича, 1384–1393 гг.). Объяснение данному обстоятельству может скрываться в том, что устройство замковых укреплений и служб в XIV в. происходило за счет обновления древнерусской оборонительной линии и существующей застройки. Дворы nobilium, занявшие в XI в. место «княжеского града» первых Рюриковичей, это не просто усадьбы киевских бояр. Чюдин Микула, чей двор, вместе с двором Воротислава, находился непосредственно в старой княжеской резиденции, согласно летописной статье 1072 г. и преамбуле «Правды Ярославичей» (Археографический и Академический списки) участвует в качестве «держателя» Вышгорода в съезде князей по юридическому оформлению общерусского свода законов. Его брат, Туки Чюдин, в бурных событиях 1068 г. выступает главным советником Изяслава Ярославича, а, возможно, и главой его «старшей дружины», фактически тоже «тысяцким». Погибает Туки 25.08.1078 в битве против Олега и Глеба Святославичей на Сожице, как один из предводителей дружины Всеволода Ярославича, на тот момент еще князя Черниговского. С черниговскими династиями были связаны судьбы и потомства Чюдиных: Иванко Чюдинович, судя по вступительной статье мономаховой редакции «Правды Руской», присутствовал в 1113 г. в киевском Берестове на «совещании» Владимира Всеволодовича со своей дружиной и тысяцкими Киева, Белгорода, Переяслава, в качестве представителя Олега Святославича. Согласно упомянутому вступлению к «Правде Ярославичей» в Вышгородском съезде 1072 г. принимал участие и Никифор

---

27 Толочко П. П. *Исторична топографія*. С. 64–65.

Кыянин, чей «двор» также находился в «граде» первых Рюриковичей. Исходя из того, что имя этого деятеля опущено в летописном перечне участников «съема», но сохранилось лишь в чисто юридическом документе, можно предполагать непосредственное его отношение к юридической или судебной практике великокняжеской администрации второй половины XI в.

Отсюда видно, что владельцы названных в статье 945 г. «дворов» являлись государственными чиновниками наивысшего ранга и в последующих своих карьерных передвижениях могли быть не связаны с пребыванием в Киеве. Следовательно, их дворы в «старом городе», который в предложенной реконструкции исторической топографии Киева первых Рюриковичей находился на Замковой горе, являлись не столько жилищно-хозяйственными комплексами, сколько представительствами служб великокняжеской администрации. Кстати, литовский замок на Замковой горе также был скорее местом пребывания высшей военной и судебной администрации вместе с гарнизоном, чем княжеской резиденцией, а его деревянно-земляные укрепления выступали «непосредственным наследованием аналогичных сооружений древнерусского времени»²⁸.

Если нахождение военной администрации города на Замковой горе восходит к великокняжеской эпохе, то можно предполагать здесь и «дворы» киевских воевод и тысяцких второй половины XI–XII в. Во всяком случае, по топографическим ориентирам в описании смуты 1068 г., расположение двора воеводы Коснячка выглядит логичнее на Киселевке, чем на Старокиевской горе. «Роптание» киевлян на воеводу начинается на вече, собравшемся на Подоле, на Торговище; затем «людые ...идоша с вѣча на Гору, и придоша на дворъ Коснячкѡвъ». Не найдя здесь его, «сташа у двора Брячиславля», решают разделиться: одна часть возмущенных идет «высаживать» дружину («дружину свою», — в Лаврентьевском списке) «ис погребѧ»; другая же половина «иде по мосту; сии же идоша на княжъ дворъ», где находились Изяслав Ярославич с дружиной во главе с Туки, братом Чюдиновым, и где пребывал в «порубе» Всеслав Брячеславич. После того, как оставшаяся у «двора Брячеславля» группа также оказывается на княжем дворе и, вероятно, с освобожденными дружинниками («...и другая половина людий приде отъ погребѧ, отворивше погребъ...»), Ярославичи, — Изяслав и Всеволод, — вынуждены были бежать «с двора». Киевляне же, «высекоша Всеслава ис порубѧ», ставят его на великое княжение, а «дворъ княжъ» предают разграблению²⁹.

Согласно устоявшимся в историографии интерпретациям, бунтующие киевляне поднялись с Подола на Старокиевскую гору. Все дальнейшие события: у дворов Коснячка и Брячислава, возле «погребѧ» с «дружиной своей», а также на «княжем дворе» Ярославичей, связываются именно с «городом Владимира». При этом, «дворъ Брячиславля» — это двор Брячеслава Изяславича полоцкого,

28 Івакін Г. Ю. *Історичний розвиток Києва XIII — середини XVI ст.* К., 1996. С. 132–138.

29 *ПСРЛ*. Т. II. Стб. 160–161.

а из «погребя» освобождена была полоцкая дружина его сына — Всеслава, сидящего в «порубе» на «великом Ярославовом дворе». Однако уже М. С. Грушевский такое разумение расценивал «ни на чем не основанными предположениями»³⁰. Действительно, каким образом полоцкий князь, ни разу не бывший в Киеве, да к тому же умерший в 1044 г. в своем родном Полоцке, мог бы владеть двором в Киеве? Скорее всего, Брючеслав статьи 1068 г. — сановный киевлянин, каким-то образом связанный с содержанием городской тюрьмы: именно от его двора часть бунтовщиков направились освобождать из «погребя» «дружину свою». Не может быть для киевлян «своей» и полоцкая дружина. М. С. Грушевский совершенно справедливо усматривал в заключенных киевских дружинников, недовольных политикой Изяслава после поражения от половцев на Альте летом 1068 г.³¹

Но самое главное, зачем было негодующим киевлянам, поднявшись с Подола на Старокиевскую гору, переходить мост в «город Ярослава», чтобы попасть на Ярославов великий княжий двор, если он располагался в восточной части «города Владимира», включая в себя холм, «идеже стояше кумирь Перунь и прочии», с Васильевской церковью Владимира Святославича? П. П. Толочко данное противоречие снимает возможным закрытием перед бунтарями ворот, ведших с Боричева узвоза, «непосредственно в княжескую часть города» или же надеждой толпы «пополниться новыми силами» в Копыревом конце и «городе Ярослава»³². Однако летопись рисует смуту 1068 г., как триумфальное, без сопротивления со стороны княжеской администрации, шествие киевлян, что вряд ли было возможным, двигаясь они «кружным путем», через Копырев конец и «город Ярослава». В свете вышеприведенных рассуждений, более вероятным будет усматривать в горе, на которой находились дворы воеводы и Брючеслава, Замковую гору — Киселевку. Стремительный подъем с Подола участников веча на Гору мог быть осуществлен по северо-западному склону над Глыбочицей, где, согласно люстрациям середины XVI в., находилась Воеводская башня с воротами (логично предполагать, что этим же въездом воспользовался Владимир Святославович при своем вокняжении в Киеве). Непосредственно с Торговища, если оно занимало площадь перед будущей Пирогощей, возможно было подняться и более крутым взвозом, несколько восточнее северного склона (не исключено, данная дорога упомянута в люстрации 1552 г. в связи с «хворткой» на Подол, которая была «замькнена завьжды, так в день, яко в ночи»).

Затем, не получив отпора по случаю того, что большая часть гарнизона, вместе с предполагаемым тысяцким Туки, и, вероятно, воеводой Коснячко в это время находились на совете в великокняжеской резиденции, бунтари устремляются к южной оконечности горы, освободив попутно из «погребя» опальную часть

30 Грушевский М. *Очерк истории Киевской земли*. К., 1891. С. 68–70.

31 Грушевський М. *Історія України-Русі*. Т. II. Львів, 1905. С. 56–57.

32 Толочко П. П. *Древний Киев*. К., 1983. С. 210.

дружины. Надо полагать именно, здесь был переброшен мост через «перевесище вне града» (едва ли оправдана локализация упомянутого в статье 945 г. места для ловчих сетей в районе будущих Лядских ворот «города Ярослава», когда все топографические ориентиры увязаны здесь со Старокиевской горой и Подолом) на Старокиевскую гору. «Ворота на мосту» (позднее «Драбська брама») и башня, что «стоит рядом с воротами на мосту ку Киеву» в этой оконечности Замковой горы упомянуты и в иллюстрации замка 1552 г. Исходя из топографии, эта часть Замковой горы даже в XV–XVI вв. была наиболее приближенной к Старокиевской горе («может человек камнем з руки докинути»), вернее к ее отрогу — Клинцу, который, к тому же был равным по высоте с площадкой на юг от Драбских ворот³³. Сопоставление же данных археологии, геоморфологии и актуальной тектоники позволили М. А. Сагайдаку прийти к выводу о том, что яры урочища «Гончары-Кожемяки», разделяющие резкими склонами Киселевку и Старокиевскую гору, могли появиться не ранее конца XII — начала XIII в.³⁴ То есть, связь между южной оконечностью и выдвинутым к северу отрогом Старокиевской горы Клинцом во времена первых Рюриковичей осуществлялась по пологим склонам через узкую долину. Именно на Клинце, сегодня в значительной мере оползшем, были обнаружены остатки упомянутого выше дворца конца X в., служащего ориентиром для местонахождения ямы с заживо погребенными древлянами.

Таким образом, Замковая гора на карте средневекового города выступает административно-военным центром. Открытые здесь раскопками разных лет следы мастерских XI — начала XIII в. (нескольких литейно-ювелирных и костерезных; по изготовлению и ремонту панцирного доспеха) более увязываются с обслуживанием гражданской и военной элиты, чем с открытым ремеслом городских посадов. Сложение социальной топографии этой Горы определялось изначально находением здесь детинца. Столетие, с последней четверти IX по конец 80-х гг. X в., на этой Горе располагался центр политической власти всей Руси — княжеская резиденция Игоря — Ольги — Святослава и его сыновей. Гора выступала и одним из решающих градообразующих факторов, самым непосредственным образом воздействующим на дальнейшую структурную и социально-топографическую организацию Киева, как в обустройстве нижнего города — Подола, так и в трансформации верхнего, занятого некрополем и капищем на Перуновом холме.

Действительно, прекращение функционирования киевского Некрополя I в значительной мере связано с волевым решением Владимира Святославича. Судя по всему, начало превращения Старокиевской горы из сакрально-погребального отделения городской территории в сакрально-княжеский центр Киева было положено в 980 г. установлением нового пантеона идолов на Перуновом холме.

---

33 Івакін Г. Ю. *Історичний розвиток*. С. 135–136.

34 Сагайдак М. А. *Актуальні питання*. С. 9–10.

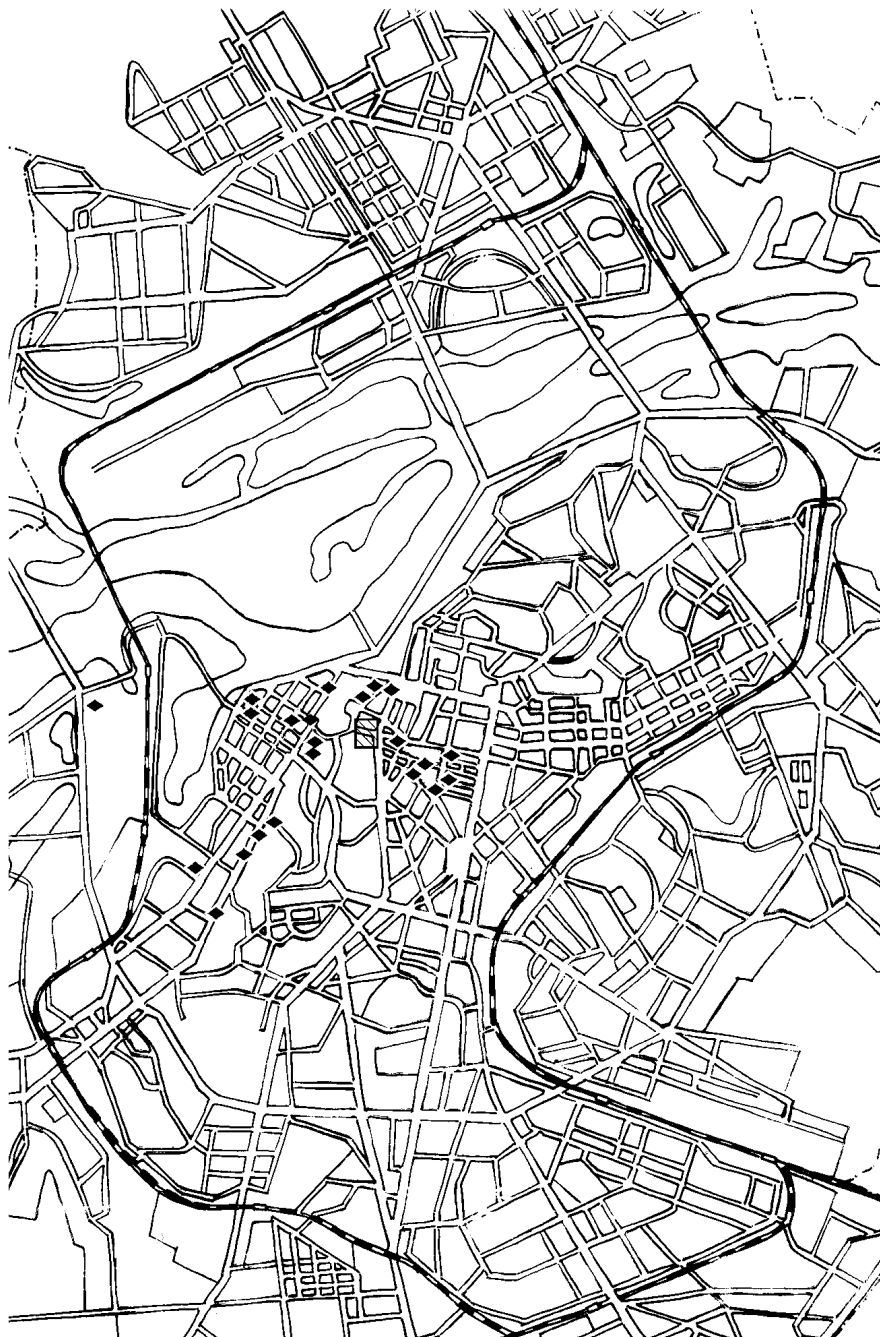

Рис. 1. Находки скандинавских артефактов на территории Киева

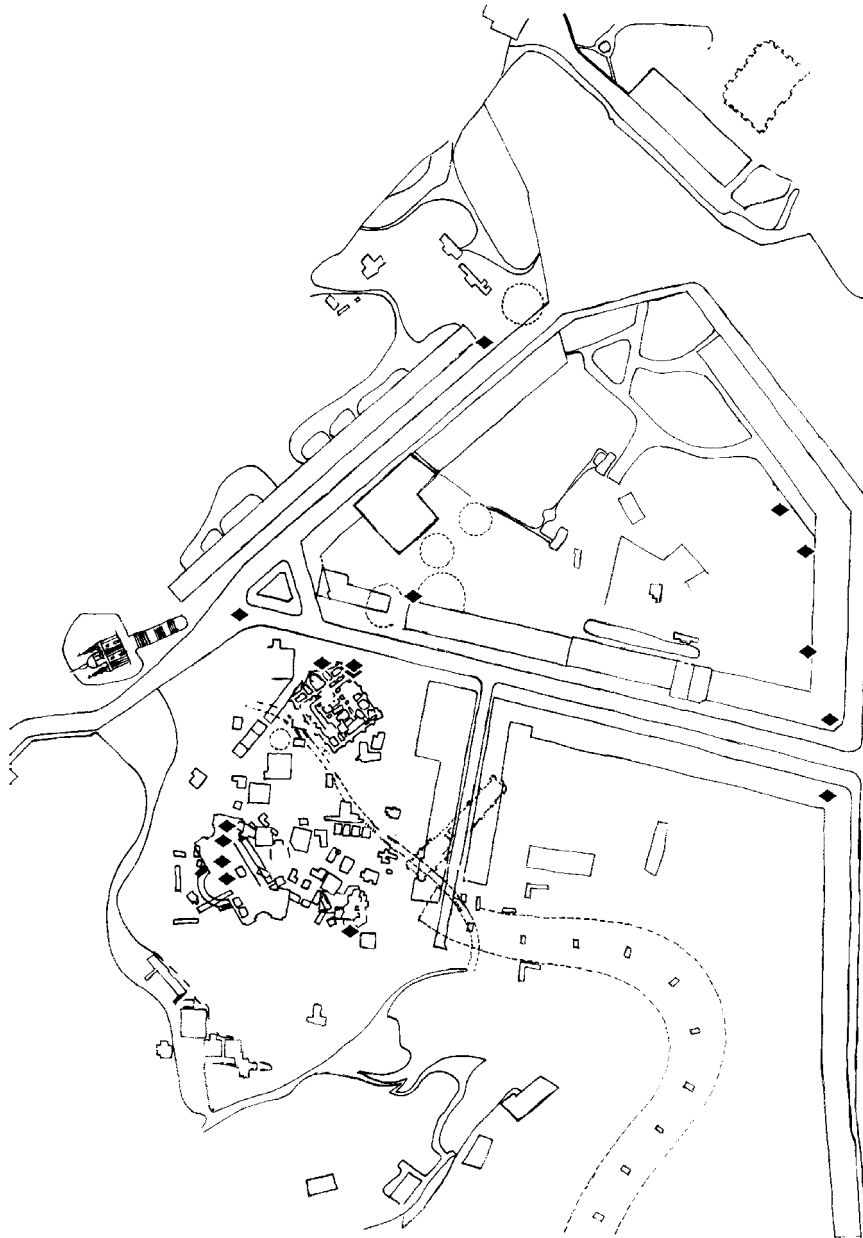

Рис. 2. Находки скандинавских артефактов на территории Старокленской горы («Города Владимира»)

Вполне вероятно, одновременно с обустройством капища, проводятся строительные работы в северо-восточной части Старокиевской горы. По характеру кладки и параметрам плитки можно предполагать возведение дворцовых сооружений над северо-восточным склоном (упомянуто выше) и в 65 м к юго-западу от руин Десятинной церкви (раскопано в 1914 г.) в конце X в., но несколько ранее самой церкви³⁵. Освоению территории Первого некрополя жилищно-хозяйственной застройкой до возведения Десятинной церкви не противоречат и летописные свидетельства. Согласно статье 983 г., киевские язычники после удачного похода Владимира Святославича на ятвягов, принесли в жертву варяга и его сына, тайных христиан, чей двор стоял «идеже бѣ церкви святыя Богородица»³⁶. Даже, если это и легенда, возникшая в обоснование мученическим культом святости места будущего храма, она может отображать реалии градостроительной истории. Хотя, конечно, большая срубная погребальная камера под южной апсидой Десятинной церкви, датирующаяся по наременной накладке и пряжке не позднее начала 70-х гг. X в., к «дому» мученика варяга никакого отношения не имеет³⁷.

С этого времени находимый в пределах Верхнего города скандинавский импорт своей принадлежностью обязан, наравне с Подолом и Киселевкой, городским и монастырским усадьбам. Выполнение строительной программы Владимира Святославича, в свою очередь, повлекло за собой изменения в социальном статусе его «отнего града» на Горе — Киселевке, которая теперь передается «дворам» административных государственных и городских служб. Не исключено, именно на Замковую гору — Киселевку, а не на Старокиевскую со своим Бабиным Торжком, «изгна торг» Изяслав Ярославович в 1069 г. с Подола.

Несколько особняком, по отношению к Подолу, Замковой горе и «Верхнему городу», находятся местонахождения скандинавского импорта Плоской части. Обнаруженные здесь артефакты (кроме четырех монет с граффити, напоминающими скандинавские руны, из клада арабских дирхемов 893/94–935 гг., обнаруженного в 1863 г. вблизи Иорданской церкви на Богословском кладбище) входили в состав погребального инвентаря киевского Некрополя II. Хотя сам могильник, судя по всему, принадлежал городищу, расположенному на Лысой горе (Юрковице). Памятник находился к северу от Щекавицы в верховьях Почайны, фактически вне пределов подольской зоны распространения культурного слоя IX–XIII вв., и представлял из себя сдвоенный мысовидный выступ коренного высокого берега Днепра в 825 м от береговой линии остатков русла Почайны, образующего ныне узкий залив в сторону Оболони. Между Щекавицей

35 Каргер М. К. *Древний Киев*. Т. II. М.; Л., 1961. С. 60–67, 73–76; Рапопорт П. А. *Русская архитектура X–XIII вв.* [=Свод Археологических Источников. Вып. Е 1–47]. 1982. С. 9; Кириличев С. Р. *Детинец Киева*. С. 36, 66–69.

36 *ПСРЛ*. Т. II. Стб. 69–71.

37 Каргер М. К. *Древний Киев*. Т. I. С. 172–174, рис. 25; Ширинский С. С. Угорські речі в курганах Русі X ст. *Слов'яно-руські старожитності*. К., 1969. С. 118–123.

и Лысой горой протекал ручей, известный по документам XVI–XVII вв., как «поток» к «Юрковому ставку». Южные подступы к Лысой горе, по свидетельству межевания владений Кирилловского монастыря 1530 г., были ограничены «валком старожитним» по первой террасе Почайны, от «Юркова ставка» до «Болонья». Этот же «валик» у «Юркова ставка» упомянут и межевыми документами 1602 и 1691 гг. С севера эта местность ограничивалась существовавшим еще в начале XVIII в. «Иорданским потоком» с озером при выходе из оврага, отделявшим Лысую гору от плато Смородинского спуска. На юго-западе, с напольной стороны, Лысая гора узким перешейком соединялась с Щекавицким плато, выходящим на дорогу к древнему Белгороду. Здесь еще сейчас прослеживаются остатки земляной насыпи вала, который, по свидетельству исследователей XIX в., имел свое продолжение с юга на восток до склона к террасе над новой Иорданской церковью. Со времени основания, около 1710 г., Богословского женского монастыря при Иоанно-Богословской церкви, известной с 1684 г., яр Иорданского ручья получает название Богословского. Между этими ручьями на террасе, прилегающей к Лысой горе, в усадьбе купца Марра (ныне ул. Кирилловская, 53–59) в 1832 г. К. Лохвицким были открыты руины, возведенной в плинфе, церковной постройки XI–XII вв. Согласно старокиевской легенде, восходящей к XII в. и записанной в XVII в., а также по существовавшей ближе к упомянутому яру уже в XVI в. церкви Николая Иорданского, эти руины могли принадлежать храму Николая Святителя³⁸.

Ныне Лысая гора в большей своей части уничтожена карьером кирпичного завода, работающего до последнего времени. Исследования, проведенные в 1965 г. под руководством Е. В. Максимова на остатках южного мыса горы площадью 60 на 40 м, показали наличие на горе слоя чернолесской предскифского времени и зарубинецкой культур. К зарубинецкому поселению конца II–I вв. до н. э. относились и вал из чернозема вместе с эскарпом по восточному склону останца. На юго-западной оконечности его была исследована углубленная каркасно-столбовая постройка с открытым очагом, которая по развалам двух круговых горшков, может быть датирована первой половиной — серединой X в. Кроме того, по восточному склону и в ложбине между южным и северным мысами горы, на территории старого Богословского кладбища, ближе к его юго-западному краю, было открыто 16 грунтовых ингумаций в гробах, соответствующих христианскому обряду захоронения и датирующихся по незначительному инвентарю не ранее второй половины X — начала XI в.³⁹

Могильник, располагавшийся у подножия Лысой горы на первой и второй террасах, получивший историографическое название киевский Некрополь II, известен, главным образом, по случайно открытым погребениям при различных

38 Петров Н. И. *Историко-топографические очерки*. С. 28–45.

39 Максимов Е. В., Орлов Р. С. Могильник X ст. на гори Юрковиці у Києві. *Археологія*. Вип. 41, 1982. С. 63–72.

строительных работах второй половины XIX в. В 70-х и 90-х гг. XIX в. Т. В. Кибальчицем и В. В. Хвойкой осуществлялись раскопки захоронений в этой местности, но полное отсутствие вещественных материалов и документации не дает возможности ни представить обряд, ни продатировать открытые комплексы. Южную, со стороны Подола и Щекавицы, границу Второго некрополя, скорее всего, определяет группа курганов на первой и второй террасах юго-западной части южного отрога Лысой горы, исследованных Н. Ф. Беляшевским в 1899 г. при строительстве кирпичного завода Гудымы на усадьбах А. Д. Лурье и Д. С. Левина (бывшая ул. Верхнеюрковская, 14; ныне: ул. Нижнеюрковская, 4–6).

Здесь, на возвышенном останце второй террасы, был раскопан один курган высотой до 4 м (по другим сведениям, — 2 м) и окружностью у основания до 40 м, вошедший в историографию под названием «курган-могикан» (погребение 118, реестр М. К. Каргера). Под насыпью имелось камерное погребение, опущенное в яму 4,15 на 3,15 м, ориентированную по оси северо-восток — юго-запад. В камере были расчищены остатки трех человеческих скелетов, находящихся ввиду древнего ограбления в переотложенном состоянии. В северном углу камеры под черепной коробкой находилась одна шпора, близкая по профилю шипа к образцу из погребения Вj 710 в Бирке (парная ей, была обнаружена в юго-западной части камеры, у правой ступни удовлетворительно сохранившегося скелета); какой-то сильно окислившийся железный предмет; бронзовая фигурная рукоять кресала (стальное огниво отсутствовало) в виде «двух хищных птиц и бородатого мужчины между ними (группа 5 по Л. А. Голубевой⁴⁰). При упомянутом скелете, ориентированном головой на юго-восток, в вытянутом на спине положении, кроме второй шпоры, находились: три пастовые с ромбическими вставками бусины цилиндрической формы, бронзовая литая пуговка (у костей левой руки); костяная накладка на луку седла или футляр для лука плохой сохранности типа погребения 42 кургана в Шестовицах; бронзовое литое кольцо (под и возле правой ступни); серебряная с позолотой по остаткам рукояти оковка венца деревянной чаши (между костями голени ног). По центру камеры был обнаружен миниатюрный стеклянный сосуд тюльпановидной формы с профилированным широким венцом⁴¹.

Из этих вещей интересными в разрезе данной темы являются рукоять кресала 5-й группы и костяная накладка⁴². Художественный сюжет рукояти, разумеется, с вариациями, довольно широко представлен в декоративном искусстве средневековой Евразии. Как верно констатировала Г. Ф. Корзухина, с орнитологич-

40 Голубева Л. А. Огнива с бронзовыми рукоятками. *СА.* № 3. 1964. С. 126–132.

41 Каргер М. К. *Древний Киев.* Т. I. С. 191–195.

42 Согласно Л. А. Голубевой (с уточнениями Г. Ф. Корзухиной), находки таких кресал достигают одиннадцати экземпляров, из них девять происходят из территории камской веси; одно — из погребения 14 Юмского могильника в Мари-Эл, и последнее — из Киева. Все эти кресала происходят из комплексов, не выходящих за пределы X в. (Голубева Л. А. Огнива. С. 132; *Финно-угры и балты в эпоху средневековья.* М., 1987. С. 113, табл. XLIV:12; Корзухина Г. Ф. Об Одино и кресалах Прикамья. *Средневековая Русь.* М., 1976. С. 135–140).

но-антропоморфным сюжетом декора прикамских кресал могут быть сопоставлены композиционные детали (мужская фигура между склоненными над ней птицами) синхронных им (X в.) круглых подвесок из Скандинавии, северо-востока Германии и Руси⁴³. Можно согласиться с Г. Ф. Корзухиной в том, что в оформлении указанного сюжета перечисленные артефакты (вместе с кресалами 5 группы Л. А. Лебедевой) не обнаруживают «восточных» черт. Наличие на подвесках этого типа из Седнева и Гнездова псевдожемчужного ранга, который шведские археологи (по традиции, идущей от Т. Арне) считают «не местным, несеверным» элементом, на самом деле представляет собой весьма шаткий аргумент в пользу «исламской» вуали в художественном оформлении украшений⁴⁴. Поэтому поиски И. Янсоном и В. В. Мурашевой иконографического прототипа изображениям этих подвесок в схеме одной из двух серий бронзовых с позолотой ременных бляшек из Верхнесалтовского могильника, хранящихся в ГИМ России⁴⁵, нельзя признать источниковедчески корректным⁴⁶. Трудно с несомненностью доказать, действительно ли сюжет изображений названных подвесок восходит к рассказу «Видения Гюльви» из «Младшей Эдды» об Одине и двух его воронах — Хугине и Мунине⁴⁷, вещающих богу обо всем, что они успели узнать и увидеть в течение дневных полетов «над всем миром». Однако сюжет с парными птицами, сопровождающими мужскую фигуру в изобразительности Севера I и начала II тыс. занимал одно из главных мест⁴⁸. Учитывая, что помещенная между птицами мужская фигура на подвесках выделенного типа не вполне отвечает иконографическому канону Одина, скорее мы имеем дело с изобразительным воплощением какого-то мифического представления о

43 Бирка, кремация Bj 150 и детская ингумация Bj 762; Скеггеси, приход Барва в Шведском Седерманланде (также в составе погребального инвентаря); Прешлау на Иккере, земля Бранденбург (в составе клада); Седнев, курган 1 из раскопок Н. Е. Бранденбурга (кремация); Гнездовский клад 1868 г.; село Васильки под Суздалем, инвентарь курганного погребения. Г. Л. Новикова и В. В. Мурашова к этому списку прибавляют еще одну аналогию: Белогорская Николаевская пустынь в Курской обл. в России. (Новикова Г. Л. Находки скандинавских языческих амулетов в курганах Черниговщины. *Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в XI–XIII вв.»*. Чернигов, 1988. С. 73; Мурашова В. В. Еще раз о сюжете «вознесение героя на небеса с помощью птиц». *Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша*. СПб., 2002. С. 133).

44 Корзухина Г. Ф. Об Одине и кресалах Прикамья. С. 139; Jansson I. *Schmuckanhänger von orientalischem Typ. Birka II:3* (Stockholm, 1989), 44.

45 Jansson I. *Gürtel und Gürtelzubehör vom orientalischem Typ, Birka II:2* (Stockholm, 1986), 88–89. Хотя необходимо отметить, что привлекая в качестве аналогий салтовские бляшки этой серии, почтенный ученый оперировал прежде всего ременной аппликацией из комплекса Bj 845, действительно выполненной в яркой традиции кочевников восточноевропейской Степи; Мурашова В. В. Еще раз о сюжете. С. 132–133; Плетнева С. А. *От кочевий к городам* [=МИА. № 142]. М., 1967. С. 162, рис. 40:10.

46 Зеркальное противопоставление голов птиц относительно неясно очерченной человеческой фигуры на этих бляшках исключает прямое заимствование иконографии и семантики подвесок и кресал, на которых пернатые хищники соприкасаются клювами с головой бородатого мужчины.

47 Корзухина Г. Ф. Об Одине и кресалах Прикамья. С. 137–139.

48 Хлевов А. А. *Предвестники викингов. Северная Европа в I–VIII вв.* СПб., 2002. С. 210.

магической помощи или же эсхатологическое пророчество. Количественное преимущество находок в Швеции и на Руси (на памятниках с ярко выраженным варяжским присутствием — Гнездово, Седнев) не безосновательно представляется связью источника сюжета именно со Скандинавией, уже — с территорией около Меларен.

Впрочем, ни в Скандинавии, ни в Финляндии кресала с подобным сюжетом оформления рукояти не найдены. Судя по всему, эти бытовые приспособления имели сугубо местные коми-пермяцкие корни, а семантика их изобразительного ряда питалась мифологемами прикамских финно-угров. По крайней мере, соединение изображений птицы и человеческого образа известно в среде прикамских абorigенов из ананьинской культуры⁴⁹. С другой стороны, композиция изобразительной орнаментики этих кресал не может быть полностью признана традиционнo местной. Учитывая узкую хронологию и более-менее локальное распространение кресал этой группы, вынуждены согласиться с тезисом о заимствовании структуры сюжета из соседних культур. Принимая во внимание художественно-ремесленные связи родановской культуры, здесь на равных могут соревноваться как мусульманский Восток, так и Север викингов. Можно указать также и на вероятность заимствования идеи сюжета посредством контактов Прикамья с Южной Сибирью⁵⁰. В любом случае, изготовившие эти кресала мастера переосмысливали заимствованную тему декора согласно эпизодам мифологии или эпоса достаточно узкой группы веси-чуди Верхнего Прикамья X в. Отсюда фрагмент кресала в инвентаре 118 погребения является несомненным репрезентантом импорта из Прикамья. Но (это справедливо было отмечено В. В. Мурашевой) скандинавы, в том числе киевские («лысогорские») варяги, действительно могли воспринимать изобразительный фриз пятой группы иллюстрацией сюжета об Одине и его воронах.

Подтреугольная костяная пластина, вершина которой оформлена в виде зооморфной стилизации, по своему назначению являлась декоративной накладкой на луку седла или, что предпочтительнее, исходя из размеров (195 на 90 мм), креплением берестяного футляра для лука или основания колчана, корпус которых мог быть выполнен в бересте (комплект накладок должен был быть

49 В течение всего I и начала II тыс. (по крайней мере, до XI в.) птицеобразные идолы с человеческими лицами на груди распространены как на Верхней Каме, так и ниже. Исследователи связывают эти произведения художественного литья с представлениями местного населения о священной птице, переносящей душу человека в рай, и, в конечном итоге, с культом предков и обилия. Для родановского периода характерны также сюжеты с развернутыми друг к другу птицами (*Финно-угры и балты и славяне*. С. 157; Оборин В. А., Чагин Г. Н. *Чудские древности Рифей*. Пермь, 1988. С. 38, 58–63, ил. 64).

50 Даркевич В. П. *Художественный металл Востока*. М., 1976. С. 71–75. Во всяком случае, геральдические противостоящие на рукоятях прикамских кресал фениксы (в позе, приближенной к хищным птицам), держащие в клювах распетый ромб присутствуют на пальметах известного блюда шестого кургана Копенского чаа-тасу VIII–IX вв. По мнению некоторых исследователей — это танский символ победы; другие же усматривают в нем воплощение идеи «мирового древа», имеющей корни в местной художественной традиции древних хакасов.

парным). Утрата вещи и весьма схематический ее рисунок не позволяют проанализировать орнаментику накладки. Однако выступ вершины в виде головы зверя с выделенными шейными складками дает возможность, по аналогии с парой (полный комплект) аналогичных накладок из шестовицкого кургана № 42, усматривать определенные черты североевропейской стилистики и в оформлении киевского образца. Нельзя исключать возможности изготовления шестовицких и киевской накладок в одной и той же декоративно-ремесленной традиции, удовлетворявшей вкусы дружины русов Среднего Поднепровья. Существенным здесь являлось нанесение орнаментальной резьбы в североевропейских зооморфных мотивах, в данном случае, южноскандинавского стиля «Маммен», на вещь, архетип которой восходит к вооружению евразийских кочевников⁵¹. Принимая такую интерпретацию орнамента накладки из киевского погребения 118, логично согласиться с датировкой всего комплекса не позднее начала 70-х гг. X в., по времени появления вещей данной стилистики в Бирке, а ещё уже, 950–960 гг., по заключительной (I-ой) фазе Шестовицкого могильника⁵².

Вблизи «кургана-могикана» на мысу террасы при этих же работах было вскрыто еще 5 погребений, но иного характера (№№ 89–93, по М. К. Каргеру). Все они были совершены в грунтовых могилах с деревянными сбитыми гвоздями гробами. Скелеты были ориентированы головой на запад, с руками, скрещенными на груди. Присутствующий в четырех погребениях инвентарь крайне беден. Детали обряда ничем не отличаются от христианских захоронений, исследованных в 1965 г. по северному склону второй террасы останца южного выступа Лысой горы.

Следующее значительное погребение Некрополя II, попавшее в поле зрения исследователей, находилось в 250–300 м к северу от кургана 118. Оно было обнаружено в начале 90-х гг. XIX в. при планировочных работах на территории пивоваренного завода М. В. Рихерта (Риккерта) по адресу Кирилловская, 35. Топография местонахождения соответствовала подошве первой террасы восточного склона южного отрога Лысой горы. Обстоятельства находки и устройство могилы этого комплекса, получившего в реестре М. К. Каргера № 124, остались неизвестными. По инвентарю, хранящемуся в ГИМ России, погребение могло принадлежать одиночной женской ингумации, совершенной в камере, опущенной в яму. Курганная насыпь на момент обнаружения была полностью спланирована. Комплекс весьма уверенно датируется по паре скорлупообразных фибул типа J. P. 51 с³ и двум милиарисиям 931–944 гг.⁵³ В одну группу с погребением 124 можно включить и комплекс воинского с конем захоронения № 116,

51 Кулаков В. И. Ирзикапинис и Шестовицы. *Проблемы археологии Южной Руси*. К., 1990. С. 112–115; Андрощук Ф. О. *Нормани і слов'яни у Подесенні (моделі культурної взаємодії доби раннього середньовіччя)*. К., 1999. С. 104.

52 Андрощук Ф. О. *Нормани і слов'яни*. С. 53, 54–55.

53 Каргер М. К. *Древний Киев*. Т. I. С. 208–210.

обнаруженного в 1872 г. в связи с постройкой пивоваренного завода Н. Г. Хрякова на усадьбах №№ 43–47 по Кирилловской улице. Из инвентаря данного погребения известна зарисованная архитектором В. Николаевым бронзовая кольцевая фибула, декорированная зооморфными масками стиля «Vogge» типа J. P. 227; упоминается и меч, который по описанию рукояти вполне сопоставим с типом «Н»⁵⁴. Названные артефакты, вместе с характером погребения, определенно датируют этот комплекс в пределах X в., скорее всего его первой половины. Что же касается, происхождения «братской могилы» с около 2000 скелетов (по другим сведениям, — до 4000), обнаруженной в 1870 г. в этой же самой усадьбе, то еще Н. И. Петров видел в ней «один из результатов опустошения Киева в 1482 г. крымским ханом Менгли-Гиреем»⁵⁵.

Группа курганных захоронений, концентрировалась и по двум первым террасам расщелины между южным и северным отрогами Лысой горы, где впоследствии находилась Иорданская церковь. В расположенной здесь усадьбе купца И. Марра (ул. Кирилловская, 53–59), при ее перепланировке в 1876 г., были обнаружены два погребения, курганные насыпи над которыми, как и в предыдущих случаях, уже не существовали. Одно из них, описанное у М. К. Каргера под № 117, содержало мужской скелет в сопровождении лошади, в проломе черепа которой был зафиксирован «большой камень». Составленное В. Б. Антоновичем описание инвентаря этого захоронения, выдает в нем типичную дружинную погребальную камеру X в. Второе курганное погребение на этой усадьбе (№ 125) принадлежало женской ингумации с парой скорлупообразных фибул типа J. P. – I. J. 52-D. Несмотря на входящую в состав инвентаря подвеску из дирхема 759/60 г. чеканки, по остальному вещественному окружению, погребение 125 может быть датировано второй четвертью — серединой X в.⁵⁶ Тут же было открыто и грунтовое в деревянном гробу безынвентарное погребение. Данное захоронение, хотя и занесено в реестр М. К. Каргера под № 88, по стратиграфии находки (на уровне подошвы фундамента кирпичного здания XVII в.) скорее всего, никакого отношения ко Второму некрополю не имеет.

К Некрополю II могли принадлежать и погребения, совершенные по обряду ингумации под невысокими насыпями с западной ориентацией покойника, раскопанные В. В. Хвойкой по северному берегу Иорданского ручья в усадьбах №№ 59–61 по Кирилловской улице. В составе погребального инвентаря, суммарно и кратко описанного В. В. Хвойкой, имелись серебряные бусы и височные кольца, украшенные зернью. Даже при особо отмеченных «нередких находках серебряных дирхемов VIII в., использованных в качестве подвесок в ожерельях»⁵⁷, данная группа захоронений, вполне корректно соотносится с древностями

54 Каргер М. К. *Древний Киев*. Т. I. С. 208–210.

55 Петров Н. И. *Историко-топографические очерки*. С. 35–36.

56 Каргер М. К. *Древний Киев*. Т. I. С. 190–191, 210–211.

57 Хвойка В. В. *Древние обитатели Среднего Поднепровья и их культура в доисторические времена*. К., 1913. С. 53–54.

X в. Сложнее обстоит дело с интерпретацией, открытых здесь же кремаций⁵⁸. По таким особенностям их устройства, как сожжение на стороне, наличие на древнем горизонте площадок ритуальных кострищ, помещение одиночной урны в небольшой округлой яме, нельзя исключать их принадлежность к эпохе, предшествующей курганным захоронениям с элементами материальной культуры дружинной киеворусской среды. Наиболее вероятное время совершения таких кремаций — ранняя стадия культуры типа Луки-Райковецкой, — VIII — самое начало IX вв.

Историографически к Некрополю II причисляют и несколько сот небольших, в 1–2,5 м высоты, курганов, обследовавшихся В. В. Хвойкой на плато над усадьбой № 71 на ул. Кирилловской. Судя по инвентарю раскопанных им здесь погребений по обряду ингумации, они могут быть отнесены, в целом, к X в.⁵⁹ Однако расположение этой курганной группы связано скорее с Лукьяновским плато (в районе сегодняшнего стадиона «Авангард»), чем с могильником у подножия Лысой горы. Не имеет отношения к Некрополю II и грунтовый могильник, открытый и частично раскопанный тем же автором по краю плато над усадьбой № 81 по ул. Кирилловской⁶⁰. По обряду (в деревянных гробах сбитых железными гвоздями; ориентация костяков — западная) и инвентарю, подобному погребениям, открытым по склону Лысой горы в 1965 г., это кладбище могло датироваться концом X — началом XI вв. и принадлежать христианам одного из поселений на северо-западной околице Киева, может быть — Дорогожичей.

Имеющиеся на сегодня сведения, представляют Некрополь II в виде курганного поля, вытянутого по первой и второй террасам подножия Лысой горы с юго-востока (со стороны города) на северо-запад (в сторону Дорогожичей и Кирилловских высот), протяженностью до 1250–1300 м. Ширина этой полосы вглубь террас, по оси юго-запад — северо-восток, составляла до 150 м. По оврагам, ограничивающим южный и северный отроги горы, курганы могли подниматься вдоль Юрковского и Иорданского ручьев на расстояние до 500 м («курган-могилкан» с окружавшими его грунтовыми могилами и группа небольших курганов по северному берегу Иорданского ручья). Эти курганы принад-

---

58 Хвойка В. В. *Древние обитатели*. С. 57. Остатки одного из них (№ 102) были исследованы в 1876 г. в усадьбе Марра поблизости от позднесредневековой ингумации № 88. Группосожжение было осуществлено на стороне, его остатки накрыты перевернутым кверху дном горшком, что характерно для погребальных обрядов корчакской и пеньковской культур. Описание урны, оставленное В. Б. Антоновичем (из белой глины, выполнена гончарным образом, с волнистым орнаментом по верхней части тулова (Антонович В. Б. Археологические находки и раскопки в Киеве и Киевской губернии в течении 1876 года. *ЧИОНЛ*. Кн. I. 1879. С. 252), вполне соответствует посуде т. н. «пастырского типа», иногда встречаемой на пеньковских памятниках Среднего Поднепровья. Отсюда комплекс 102 погребения без особенных возражений мог относиться к VII–VIII вв. Аналогичные погребения известны и из исследований В. В. Хвойки в усадьбах №№ 59–61.

59 Хвойка В. В. *Древние обитатели*. С. 54.

60 Там же. С. 54–55.

лежали одному хронологическому срезу в пределах X в. Вероятнее всего, их захоронения совершались исключительно по обряду ингумации. Наиболее ранние из них можно отнести к середине X в. Это погребения №№ 116, 124, 125; группа небольших курганов по второй террасе вдоль северного берега Иорданского ручья; может быть, к ранним погребениям Некрополя II можно отнести и дружинную камеру под № 117. Наиболее поздние языческие захоронения могильника, представляет «курган-могикан» на второй террасе по северному берегу Юрковицкого ручья. По представленному выше анализу инвентаря, этот комплекс может быть датирован началом 70-х гг. X в. Не исключено, заключительной фазой функционирования Некрополя II могут быть датированы и небольшие курганы вдоль северной второй террасы Иорданского ручья.

С этими погребениями хорошо увязывается тот культурный слой городища на южном отроге Лысой горы, который репрезентирует постройка, открытая раскопками 1965 г. на юго-западной оконечности останца указанного отрога, датируемая авторами исследований первой половиной X в. Не противоречит связи Некрополя II с населением этого городища и хронология клада, обнаруженного в 1863 г. в ложбине между южным и северным отрогами горы, младшая монета которого была выпущена в 935 г. На четырех монетах клада были нанесены скандинавские рунические граффити, которые могут быть интерпретированы как отдельно, у края монетного поля, начерченная руна «u» (дирхем 899/900 г.) или же, лигатура и начальные буквы древнеисландского «сиф» — «бог» (дирхемы 899/900, 920/21, 922/23, Насра ибн Ахмада, 414–943, со сбитым годом чеканки). При этом на дирхеме 920/21 г. лигатура «сиф» соединена с руной «f», «Тюр»⁶¹. Эти граффити, вместе с чисто скандинавскими изделиями в составе погребений Некрополя II убедительно свидетельствуют о присутствии в начале X в. выходцев из Скандинавии среди обитателей городища на Лысой горе. В конце X — начале XI в. Некрополь II трансформируется в христианское кладбище, хотя жизнь на городище не прекращается и некоторые христианские могилы, фиксируемые вблизи «кургана-могикана» и в ложбине между отрогами горы (раскопки 1965 г.), продолжают нести в себе черты дружинной обрядности (наличие деревянных, с кованными железными обручами, ведер в инвентаре некоторых из этих погребений). Относительно же трупосожжений, фиксируемых в этой местности исследователями XIX в., можно сказать, что они предшествовали появлению дружинных ингумаций. Прямой континуитет между этими обрядами на данном могильнике не прослеживается. Скорее всего, курганные захоронения перекрыли могильник с типичным полянским обрядом грунтовых урновых сожжений с разрывом, минимум, в столетие.

---

61 Мельникова Е. А. *Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации*. М., 2001. С. 136–137. Включенная автором в комплекс еще одна монета из коллекции AR5246 в Музее исторических драгоценностей Украины, чеканки 940/41 г. с граффити в виде руны «sól», на самом деле, к составу клада 1863 г. не принадлежит.

Вероятно, в VI–VII, а затем в VIII — начале IX вв. на Лысой горе имелись поселения, использовавшие укрепления зарубинецкого городища, население которых оставило 102-е погребение с кремацией под перевернутым керамическим сосудом и обнаруженные В. В. Хвойкой урновые с ритуальными кострищами трупосожжения. Потому как на самой горе слои указанного времени сегодня уже отсутствуют, невозможно говорить и о какой-либо непрерывной связи между пеньковскими и типа Луки Райковецкой древностями. По мнению В. Б. Антоновича, поддержанному П. П. Толочко, славянское поселение на Лысой горе являлось третьим образующим Киев пунктом — Хоревией. Для обоснования данного предположения, П. П. Толочко использует летописную статью 1171 г. с эпизодом взятия Киева княжеской коалицией во главе с Андреем Боголюбским. Согласно летописи, войска Андрея Юрьевича, после трехдневной осады, спустились с Дорогожичей «...Серховицею и ринуша к ним [войску Мстислава Изяславича], долов оу задь Мьстиславу...» По диспозиции брани, наиболее вероятным маршрутом движения осаждающей стороны, с Дорогожичей на Подол, мог быть спуск вдоль Юрковицкого ручья. Следовательно, Серховица (разночтение, — Сереховица), — это позднейшая Юрковица — Лысая Гора. По звучанию же, «Сереховица имеет много общего с типичным древнерусским выражением «Сехоревица», с перестановкой второго слога»⁶². Действительно, если следовать логике перечисления Киевских гор в легенде об основании города тремя братьями, то расположение Лысой горы, по отношению к Старокиевской и Щекавице, более всего подходит горе Хорива. Однако, этимология названия «Серховица-Сереховица» из летописной статьи 1171 г. проще объяснима через древнерусское «сехръкъ» — неровный, грубый, косматый по отношению к пересеченной местности. Рельеф ландшафта предгорий Юрковицы и взвозы по ее склонам на плато коренного берега Днепра вполне подходят этому определению.

Новое освоение и, вероятно, обновление укреплений Лысой горы происходит, как свидетельствуют рассмотренные выше материалы, не ранее второй четверти — середины X в. В это время данный пункт играет роль укрепленного дружинного лагеря на ближайших с северо-запада подступах к собственно Киеву: Подолу, Замковой горе и обширному могильнику на территории будущего Верхнего города. По отношению к этим градообразующим структурам, городище на Лысой горе выступает вторичным образованием. Выразительные материалы, которые можно было бы синхронизовать с наиболее ранними горизонтами Подола или комплексами Некрополя I как в слое городища, так и в погребальном инвентаре Некрополя II, практически отсутствуют. Восходящие к IX в. мечи типа «Е» и «Н», происходящие из обнаруженных тут в XIX в. погребений⁶³, положения не спасают, поскольку на фоне остальных артефактов

62 Толочко П. П. *Древний Киев*. К., 1985. С. 18.

63 Каргер М. К. *Древний Киев*. Т. I. С. 190–191, 217; Кирпичников А. Н. *Древнерусское оружие*. Вып. 1–2. М.; Л., 1966. С. 76–77, 80–81.

«варяжского времени», вполне могут быть датированы серединой — первой половиной X в. Сведения же В. В. Хвойки о дирхемах VIII в. никаким образом не проверяемые. Но даже если эти монеты-подвески, действительно, присутствовали в ожерельях погребенных по северному берегу Иорданского ручья, то, как показывает инвентарь 125-го погребения, они могли принадлежать комплексам X в. Поэтому отчасти можно согласиться с Г. С. Лебедевым, видевшем в комплексе памятников Лысой горы «государственную крепость», находящуюся под контролем верховной власти, основной контингент которой составляла варяжская часть княжеской дружины⁶⁴.

Конечно, материалы городища на Лысой горе и прилегающего к ней курганного могильника во многом противоречат построениям ученого. Данные, которые бы свидетельствовали о существовании здесь «ко времени после 882 г., когда «поиде Олег» из Новгорода, «особого торгово-ремесленного центра», напрочь отсутствуют. Тем более что датировка памятников Лысой горы этого хронологического среза отстоит на четверть — полстолетия вперед от переворота 882 г. Нельзя сказать и о выгодах расположения Лысой горы в целях контроля «важного перекрестка» сухопутных и водных путей. Этот тезис Г. С. Лебедева был аргументировано опровергнут П. П. Толочко⁶⁵. Неубедительным выглядит и отождествление городища на Лысой горе с «Самбатасом» Константина Багрянородного. Данный топоним, судя по всему, является балтской калькой ойконима всей территории Киева середины X в., но не отдельно его «кастрон'а»-«каструм'а»⁶⁶. Но, что верно было подмечено Г. С. Лебедевым, так это экстерриториальность крепости на Лысой горе относительно Киева и размещение здесь варяжской дружины, но не Олега, а какой-то иной, появившейся в Киеве не ранее середины X в. В оставшихся известными комплексах начальной фазы функционирования киевского Некрополя II, явственно выступает сочетание вещей скандинавского и восточного происхождения (сердоликовые, горного хрусталя и пастовые бусы, получившие в X в. распространение на европейском континенте из районов Ближнего Востока и Закавказья, — погребения 124, 125; сфероконический шлем из 117 погребения; дирхемы — погребение 125, клад, возможно, курганы на Иорданском ручье). В меньшей мере, здесь присутствуют византийские монеты и местные, но изготовленные по византийским прототипам, украшения: погребение 124, содержащее милиарисии и височные кольца, так называемого «волынского типа». Взяв во внимание данное обстоятельство, можно предположить, что скопление импортных вещей в синхронных погребениях одного локального участка некрополя является результатом концентрированного, но не продолжительного контакта погребенных или их окружения с регионами на Востоке и Юго-Востоке средневековой

64 Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. *Археологические памятники*. С. 13–14; Лебедев Г. С. *Эпоха викингов*. С. 240–241.

65 Толочко П. П. *Древний Киев*. С. 48, 50.

66 Зоценко В. М. Ще раз про Σαμβατάς. *Старожитності Русі-України*. К., 1994. С. 126–132.

Ойкумены. Наиболее вероятный характер такого контакта может быть определен в рамках военной экспедиции. Исходя из хронологии указанных комплексов Некрополя II, можно с определенной степенью вероятности предполагать их причастность к оставшимся в живых дружинникам, ходившим летом 945 г. в Арран. Согласно Ибн-Мискавейху и Мовсесу Каланкатвази, русы шесть месяцев провели в столице Аррана (Агвана) — Бердаа (Паргава), откуда ушли «с большой добычей» после эпидемии и под натиском возмущенного грабежами местного населения⁶⁷. Последующие события истории этого экспедиционного корпуса Игоря можно представить следующим образом. Возвратившись в Киев летом 946 г. после казни древлянами князя, в то время, когда Ольга и Святослав осуществляли карательные меры в древлянской земле, его остатки вынуждены были остановиться на северо-западной околице Нижнего города, где необходимо было обновить заброшенные укрепления, перекрывавшие подступы к городу со стороны древлян. О связи обитателей форпоста на Лысой горе с регионом юго-западного Прикаспия, как нельзя лучше свидетельствует и 192 дирхема найденного здесь клада. Основу сокровища составляли монеты Саманидов, вышедшие с дворов Шаша, Самарканда, Андераба, Балха, при наличии чекана Нишапура, Мерва, Пенджхира с 895/6 по 935/36 гг. Доминанта (127 экз.) клада выпадала на дирхемы ал-Амира ас-Сайд Насра II, 914–935/36 гг. К чеканке Саманидов следует добавить единственный саффаридский дирхем Тахир ибн Мухаммад ибн Амра, чеканенный в Фарисе в 905/06 г. Характерна также примесь болгарских подражаний монетам Насра II — 12 экземпляров⁶⁸. Состав клада является, фактически, моментальным снимком с обращения южного и юго-западного Прикаспия, связанного с центральными провинциями саманидского Мавераннахра. По свидетельствам источников, основным торговым перекрестком середины X в. в регионе выступал Дербент, где сходились потоки товаров из Мавераннахра, Ирана и Индии⁶⁹. При условии того, что Дербент в походе 945 г. являлся главной базой русов⁷⁰, именно здесь могло быть получено подавляющее количество монет Иорданского клада 1863 г. Болгарские же подражания были присовокуплены к сокровищу уже на обратном пути дружины в Киев.

Обустройство форпоста на Лысой горе после 945 г., возможно, коснулось и укреплений северо-западных границ Нижнего города в целом. Во всяком случае, упомянутый в 1530 г. «валок старожитний», от «Юрковицкого ставка» «через Болонье» на восток до Почайны — Днепра⁷¹ практически совпадает с ориен-

67 Пашуто В. Т. *Внешняя политика Древней Руси*. М., 1968. С. 101–103; Сахаров А. Н. *Дипломатия древней Руси*. М., 1980. С. 184–185, 189–190, 204–208.

68 Зопенко В. Н. Южный круг обращения дирхемов в Восточной Европе, VIII–X вв. *Białoruś, Litwa, Polska, Ukraina. Wspólne dzieje pieniądza* (Warszawa, 1996), 67.

69 Кудрявцев А. А., Шихсаидов А. Р. Опыт периодизации экономического развития средневекового Дербента. *Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья*. М., 1979. С. 136–138.

70 Пашуто В. Т. *Внешняя политика*. С. 101.

71 Петров Н. И. *Историко-топографические очерки*. С. 41, 44–45.

тирами, приведенными летописью при вокняжении Владимира Святославича на великокняжеском столе в 980 г.: «...и стояше Володимирь обрывся на Дорогожичи, межи Дорогожичемъ и Капичемъ, и есть ровъ и до сего дне»⁷². Если принимать за «Капичь» — капище Волоса, на месте которого, согласно легенде XVIII в., была поставлена церковь св. Власия — Введенская, то «ровъ» приведенного фрагмента из «Повести временных лет» и «валою» межевания 1530 г. вполне могли принадлежать одной и той же оборонной линии. Весьма правдоподобно, после 980 г. по этим же укреплениям прошла трасса заграждения Подола «столпием отъ Горы оли до Днепра», о котором упоминает летописная статья 1161 г.

Таким образом, местонахождения скандинавского вещевого импорта IX–XI вв. в Киеве обрисовывают сугубо городскую территорию: Подол, Замковую гору, выступавшую на этом этапе княжеским детинцем, и обширный могильник на месте будущего «Верхнего города». Вопреки сложившемуся мнению, памятники Лысой горы рассматриваемого времени, являются экстерриториальной по отношению к городу топографической структурой, к тому же вторичной в сравнении с хронологией нижних горизонтов Подола и ранних погребальных комплексов Некрополя I.

Інститут археології НАН України

---

72 ПСРЛ. Т. 2. Стб. 64.